

Заглавие документа	Грамматика топонима и ее когнитивные основания // Материалы чтений, посвященных 95-летию со дня рождения доктора географических наук, профессора В.А. Жучкевича: Минск, 10 марта 2011 / М-во образования Респ. Беларусь, БГУ, Геогр. фак., ОО “Бел. геогр. о-во” [редкол.: И.И. Пирожник (пред.), Я.К. Еловичева, В.В. Махнач]. – Минск: Изд-во БГУ. – С. 19–21.
Авторы	Копач О.И.
Тема	Языкознание
Дата публикации	2011
Аннотация	Более бедная по сравнению с нарицательной лексикой система грамматических средств топонимов обнаруживает самые общие типы оформления. Это заметно при сравнении двух разных по характеру языков: синтетического фузионного белорусского, с одной стороны, и аналитического английского – с другой. При системном сопоставлении топонимов отличия групп топонимов дают основания для лингвистических выводов.

Словообразование, по словам Е.С. Кубряковой, принадлежит «по форме их <слов> создания и по способам выражения в производных особого словообразовательного значения – к уровню грамматики» [1, с. 236]. В именах нарицательных форманты в этом смысле примыкают к числу показателей грамматического рода и числа. Собственные имена отличаются тем, что грамматическое структурирование осуществляют, по сути, только морфемы-дериваторы. Род топонима не всегда соотносится с родом географического термина, а форма множественного числа обычно не свидетельствует о реальной множественности объектов. Часто эти морфологические показатели являются только деривационными морфемами, которые служат отграничению топонимов от апеллятивов. Об этом свидетельствует и такой способ топонимобразования, как плюрализация [4, с. 46]: *мост* > болото *Масты*, – и отмечаемая в некоторых именах флективизация: река *Волга* > озеро *Волго* [5, с. 99]. Итак, формант, в общем, является единственным грамматическим показателем собственного имени, обязательно присутствующим в нем.

Как уже отмечалось в лингвистической литературе, независимо от направления изучения семантики – семасиологического или ономасиологического – исследователь начинает с материально выраженной формы, а не с диффузного смысла [3, с. 39]. Несмотря на большую по сравнению с лексическими формами степень формальности, «грамматические показатели в общем случае осуществляют когнитивное структурирование» [6, с. 101].

Топонимизации могут подвергнуться слова разной структуры, но всех их на первом этапе можно распределить по 3 группам (возьмем гелонимы – имена болот – РБ и США):

1) единицы, в которых принадлежность системе собственных имен болот никак не выражена языковыми средствами: англ. *the Marsh, Flynn's Lake* и подобные им названия (ср. бел. *Мох, Высокая Гара*). В первом примере гелоним структурно равен аппеллятиву английского языка *a marsh*. Определенный артикль свидетельствует о знакомстве номинатора с объектом, но он способен появляться в препозиции к существительному не только в пределах гелонимной подсистемы, но и в контексте высказывания. Т.е. артикль не является средством преобразования аппеллятива в оним. Второй пример может быть образцом для номинации собственным именем озера: слово *lake* не имеет «болотной семантики». Семантика географического термина, следовательно, не соотносится с характером объекта, и оним становится топонимным «фразеологизмом». Очевидно, что здесь объект не воспринимается в качестве **точного ориентира**: он указывает на вид объекта, без выделения индивидуализирующего признака или дублирует в гелониме название другого объекта;

2) единицы, в которых встречается непосредственное (английский язык) или опосредованное (славянские языки) указание на характер объекта, подвергнутого языковой номинации. Т.е. в этой группе имен принадлежность к гелонимии выражена посредством слов-морфем: англ. *Big Lagoon Marsh, Vestals Swamp*, бел. *Вімгенитэйнаўскае балота* и др. – или при помощи

неоднозначных славянских формантов: бел. *Беліца*, *Бярозавік* и др. Факт появления новой морфемы (во всех случаях – субстантивной) при создании гелонима свидетельствует о внимании номинатора к болоту как объекту реальности и ориентиру;

3) единицы, в которых названия двух и более прилегающих друг к другу объектов имеют общую часть, равную единицам двух вышеописанных групп, и отличаются морфемой-дифференциатором. Уточнение информации способно происходить исключительно в межгелонимном взаимодействии в случаях, когда морфемный состав названий объектов совпадает: англ. *Dover Swamp* > *Great Dover Swamp*, бел. *Куп'е* > *Вялікае Куп'е*.

Итак, более бедная по сравнению с нарицательной лексикой система грамматических средств [2, с. 5] топонимов обнаруживает самые общие типы оформления. Это заметно при сравнении двух разных по характеру языков: синтетического фузионного белорусского, с одной стороны, и аналитического английского – с другой. При системном сопоставлении топонимов отличия групп гелонимов дают основания для ввелингвистических выводов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова, Е.С. Теория номинации и словообразование / Е.С. Кубрякова // Языковая номинация: Виды наименований / Отв. ред. А.Н.Серебренников. – М.: Наука, 1977. – С. 222–303.
2. Матвеев, А.К. Некоторые вопросы лингвистического анализа субстратной топонимики / А.К. Матвеев // Вопросы языкознания. – 1965. – № 6. – С. 3–15.
3. Никитевич, В.М. Словообразование и деривационная грамматика: В 2 ч. – Алма-Ата: КазГУ, 1978. – Ч. 1. Словообразование и номинативная деривация – 64 с.
4. Подольская, Н.В. Проблемы ономастического словообразования (к постановке вопроса) / Н.В. Подольская // Вопросы языкознания. – 1990. – № 3. – С. 40–53.

5. Суперанская, А.В. Структура имени собственного (Фонология и морфология) / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1969. – 207 с.
6. Талми, Л. Отношение грамматики к познанию / Л. Талми // Вестник МГУ. – 1999. – № 1. – С. 91–115.